

Мартин ХРАНКО

ЕЖКОВЦЫ

Перевод со словацкого П. Каликина

— Ну, старуха, должно быть зима будет суровой, — сказал Ежко пани Ежковой, когда под вечер наблюдал за восходом луны.

— Ай, ай, только бы вода нас не залила, — ответила пани Ежкова, почёсывая задней лапкой кончик носа.

Пан Ежко тщательно осмотрелся, а потом вышел через норку.

На дворе был такой прекрасный вечер! У луны было несколько колец и нежно веял ветерок. Пан Ежко сел на задние лапки и принюхался. Никакой опасности он не почувствовал.

— Послушай, старуха, будут морозы, а припасов у нас маловато, — крикнул он в нору.

— Верно, верно старик, ну так позаботься, чтобы и наши малыши дожили до весны.

А пан Ежко и в самом деле заботился на совесть. Ещё вчера под старой дикой грушей он нашёл чудесную ложбинку, где было так много падалиц! Однако он боялся что-нибудь взять, поскольку по соседству паслись овцы, которых загонял опасный пёс — овчарка Брнчо.

— Старуха, а кладовая у нас в порядке? — спросил пан Ежко у своей колючей подруги.

— Ну, разумеется не совсем, а ты ни о чём не заботишься, — отрубил пани Ежкова.

Ежко полез в нору осмотреть хозяйство. В их логове было два помещения: спальня и кладовая.

В уголке маленькой норки лежали его сыновья Фурко и Мурко. Оба были ещё малы и неопытны, так что пани Ежкова едва успевала загонять их в гнездо, чтобы они не совершили перед норой какую-нибудь глупость. Ведь опасностей было хоть отбавляй. Над лесом постоянно кружила стая ворон, а змей Фу по соседству только и ждал, чтобы кого-нибудь цапнуть.

Однако пан Ежко был настороже. Пан Фу сразу исчезал, едва его почует. А пан Ежко уже представлял, как будет обгрызать его рёбрышки.

Посмотрел он на спящих детей, а потом через узкое отверстие забрался в кладовую. В одном углу было несколько сухих слив, огрызки яблок, жёлуди: всё это большей частью для детей. Его гордостью было множество майских жуков, жуков-оленей, жуков-медвежат и гусениц, которые были аккуратно уложены вдоль всей стены кладовой. Каждый день он несколько раз заходил в кладовую осмотреть и привести в порядок свои запасы, при этом миролюбиво ворчал себе под нос.

— Старик, а старик, принёс бы ещё чего-нибудь свеженького, — крикнула ему пани Ежкова, которая в это время кормила яблочком маленького Фурко. Но Фурко не хотел никаких яблок. Он предпочёл бы сушёного майского жука, которого недавно, когда Ежковой не было дома, раздобыл в кладовой. Вот когда получил шлепок по носу, волей-неволей принялся и за яблоко.

Ежко тем временем уже выбрался из норы и внимательно обнюхивал округу. Он, конечно, ничего не боялся, но был осторожным! Вот недавно схватила его ли-

сица, и пан Ежко еле-еле успел свернуться в клубок. Больше часа она катала его туда-сюда, переворачивала, обнюхивала, и только после того, как основательно исколола лапы, убежала с сердитым ворчанием.

Осторожно приближаясь к груше, он прислушивался к каждому шороху. Он очень хорошо изучил всю округу. Жил здесь со своей старухой уже два года. Когда их нору возле ручья залило водой, они отправились искать новый дом.

На лугу возле кружины¹ встретились с паном Кртко, и он им присоветовал опустевшую нору под большим камнем на само краю чащи. Ежковцы тотчас охотно переселились и с той поры были неразлучными друзьями с соседом Кртко, чьи лабиринты располагались как раз под чащей.

Нору под камнем они основательно почистили, расширили и углубили, в этом им помогал и давал советы сосед Кртко. Потом выкопали ещё одну, меньшую нору для кладовой. В горницу наносили сухого мха и в углу устроили гнездо.

Пан Ежко так обрадовался своему новому дому, что от избытка чувств стал куврыкаться и случайно уколол нежную шубку пана Кртко, так что тот от страха ушёл в кладовую. Впрочем, он не сердился на пана Ежко, а только попросил, чтобы он больше не вертелся, когда окажется поблизости.

С той поры они стали верными друзьями и помогали друг другу в ночных охотах.

Ежко вздрогнул. Он услышал какой-то подозрительный шорох. Свернулся, просунул нос между задними лапами и напряжённо наблюдал.

Вдруг разом распрямылся и кинулся на ворох жёлтых листьев. Но было уже поздно. Добыча исчезла в куче камней.

— Эй ты, старая уродина, ты мне ещё попадётся, — отводил душу Ежко, обнюхивая камни.

Это был он, старый змей Фу, на которого он давно уже точил зуб, но тот всегда мгновенно от него уходил.

Змея Фу ненавидела вся округа, и особенно постоянно жаловались на него певчие птицы. Весной во всей округе не нашлось бы гнезда, в котором Фу не съел бы птенцов. Кроме того он был колдуном, чародеем, от его яда вынуждены были убежать все живущие в лесу. Удивительным змеем был этот Фу. У него были ядовитые зубы, но одним укусом и одним впрыскиванием яда в ранку он мог убить только совсем маленького зверька, а более крупных зверьков, чтобы убить их, должен был ранить в нескольких местах.

После неудачного прыжка отправился пан Ежко дальше. Добрался до самой ложбинки под грушей и с радостью заметил, что под ней много падалиц.

Он сразу с усердием приступил к работе, чтобы за ночь успеть обернуться несколько раз.

Он разгребал листья, выбирал самые красивые груши и носил их в небольшую ямку под бугорком. Когда ямка была уже полной, забрался на бугорок, свернулся

---

¹ КРУЖИНА — густые заросли колючего кустарника — Прим. пер..

в клубок и скатился в ямку. Он проделал это несколько раз, пока не почувствовал, что ему на спину накололось достаточно груш. Тогда он отправился домой.

Ежкова уже ждала его перед норой. Она потирала лапки от удовольствия. По одной сняла груши со спины Ежко. Затем Ежко закатывал их в нору, а Ежкова укладывала в кладовой.

Забежал и он следом за ней в кладовую, чтобы посмотреть, сколько прибавилось. Когда увидел множество заготовленной пищи, облизнулся удовлетворённо.

Как только он вышел из кладовой, закричал в испуге:

— Старуха, старуха, а где Фурко?

— Я сама минуту назад уложила их обоих и мхом укрыла, — сказала пани Ежкова, проходя через горницу к гнезду.

Принялись поспешно искать. Перебрали в гнезде весь мох, несколько раз обегали вокруг камня, но Фурко не было нигде.

Фурко был большим озорником. Ему ещё не исполнилось и двух месяцев, а он уже изучил все окрестности. Мурко, который был на полчаса старше, называл не иначе как лежебокой. Пан Ежко, конечно, всегда устраивал ему трёпку, когда заставал перед норой, но Фурко не упускал случая улизнуть.

Вот и сейчас, заметив, что мать и отец заняты укладыванием груш, он осторожно выбрался из-под мха и узким боковым выходом, приготовленным на случай опасности, скрылся между камней.

Фурко даже не подозревал, какое несчастье могло его постигнуть. Он весело скакал меж камней и чувствовал себя совершенно свободным, поскольку его не сопровождали замечания родителей. Его иголки ещё не были достаточно твёрдыми, он ещё не познал тайн жизни ночного леса, но ощущал себя бесконечно свободным. Он совал свой нос под каждый камешек и смело направлялся на каждый крик.

Возле одного из камней он остановился. Вздогнул и посмотрел на яркий жёлтый свет, продиравшийся сквозь ветви деревьев. Подпрыгнул и упал на что-то мягкое. Быстро запустил в него свои зубки и отскочил.

— Послушай, малыш, не дури и не обижай добропорядочную жабу, — произнесло это нечто.

Верно, верно, только сейчас он узнал её по запаху. Это старая жаба Брекеке, которая недавно была у них в гостях и принесла ему ещё живого майского жука.

— Постой, вот узнает отец, он тебе задаст, — продолжала тётка Брекеке.

Фурко почувствовал себя посрамлённым и опасался, что тётка расскажет отцу, где он бродил ночью. Поэтому он быстро забрался под большой камень, куда вела удобная большая нора.

Здесь он почуял странный запах. Однако набрался смелости. Луна сквозь ветви деревьев светила как раз под камень. Он наступил на нечто очень мягкое, что нельзя было сравнить с их моховым гнездом.

Попытался было на нём комфортно растянуться. Однако нечто на него набросилось. Следуя инстинкту самосохранения, он свернулся в клубок.

Вокруг него поднялся визг, и Фурко почувствовал, что его перекатывают из стороны в сторону. И всё же этот визг не показался ему враждебным, поэтому он постепенно снова распрямился.

Вокруг него пританцовывали три юные лисички и очень забавлялись тем, что могут катать такой колючий клубок, какого до сей поры они ещё не видели.

— Уж показал бы нос, кто ты и откуда? — спросила самая весёлая, пытаясь перевернуть его на спину. Однако Фурко всё же не доверял им.

— Что скажет нам мама, когда мы это ей покажем, — сказала другая.

— А я положу его с собой и дам ему погрызть гусиное бедро, — сказала третья, осторожно закатывая Фурко в гнездо.

— Пусть тут пока остаётся, будем с ним играть, пока мама не придёт, — предложила первая.

С этим после небольшой перебранки согласились. Снова принялись катать его по норе, так что голова пошла кругом.

Когда он больше уже не мог этого вынести, распрямился и пробежал между ними. Поднялся визг. Все забились по углам и больше не отваживались приближаться к колючему клубку.

— Посмотрите, оно умеет бегать. А где у него ноги? — спросила вторая лисичка.

— У меня и зубы есть! — смело произнёс Фурко, занимая выгодную позицию в одном из углов.

Это произвело впечатление на юных лисичек. Но когда они увидели, что клубок к ним не идёт, снова принялись его донимать.

— Послушай, поиграй с нами, я тебе потом что-то дам, — предложила ему третья.

И Фурко был не против.

Они подняли такую весёлую возню, что вымели всё лисье логово. Во время игры даже поцарапались, но не обращали на это внимание. В завершение каждая принесла ему остатки своего обеда, и Фурко наелся до отвала. Потом они положили его в углу между собой, чтобы завтра снова играть с ним, как только мама уйдёт на охоту.

Фурко что-то мучило. Он ушёл из дома, но дома об этом не знают. Он боялся отцовского гнева и потому не мог заснуть.

Когда лисички уснули, он осторожно выбрался из норы и отправился домой, внимательно обнюхивая свои следы, чтобы не заблудиться.

Дома его искали почти всю ночь. Уже и надежду потеряли. Ежко думал, что его задушил колдун Фу.

Под утро старики-Ежковцы уснули от усталости...

Когда пан Ежко проснулся, он сразу посмотрел на место Фурко. Глазам своим не поверил. В гнезде лежал здоровый Фурко и спокойно храпел.

Ежко хотелось прыгать от радости и облизать его озорной носик. Однако он совладал с собой. Сделал серьёзное лицо и потянул Фурко за ухо.

— Малыш, где ты шатался без моего разрешения? — загремело под камнем.

Фурко с трудом приоткрыл глаза. Так хорошо ему спалось после забав и угощения, которое досталось ему от юных лисиц.

Однако пан Ежко не раздумывал. Он вытащил Фурко из моховой постели и сразу же принялся давать ему отцовские наставления. Удары так и сыпались на Фурко.

— Послушай, малыш, да ты воняешь лисятиной, — ужаснулся пан Ежко. — Ну и где же ты был?

Фурко от обиды и слёз не мог отвечать.

— Да знаешь ли ты, что могло с тобой случиться? — ругался дальше отец.

Однако пани Ежкова этого вытерпеть не могла. От радости, что её Фурко снова с ней живой и здоровый, она обо всём забыла. Кинулась между отцом и сыном и освободила Фурко из отцовских лапок.

Фурко со слезами снова забрался в гнездо, а отец продолжал ругаться.

— Впредь будешь знать, непослушный мальчишка!.. Покуда луна не появится снова, будешь стоять в углу на задних лапках и на сегодня получишь только сухой прошлогодний жёлудь.

Когда забрезжил рассвет и на горизонте показались первые лучи восходящего солнца, Ежковцы готовились ко сну. Но стоило пану Ежко свернуться и прикрыть глаза, он услышал как кто-то скребётся перед входом. Это был Кртко. Обеспокоенный пан Ежко покинул нору, что хочет пан Кртко в час, когда все ночные звери готовятся ко сну? Он ещё раз протёр мордочку и высунулся из-под камня.

— Ну что, кум, что случилось?

— Хм, в кружине происходят важные события, — сказал ему Кртко.

— Ну, так пойдём к нам, а то по утрам здесь часто летает голодная сова.

— Знаю, знаю; я и сам опасуюсь. Земля сейчас сухая, и нет возможности где угодно закопаться; однако я хотел сообщить вам, — сказал Кртко.

Когда Кртко удобно устроился на мху, он начал таинственно:

— У нас тут незваный гость...

— Ну и кто же это? — спросила любопытная пани Ежкова.

— Какой-то старый холостяк, домашняя крыса. А воняет так, что в носу свербит.

— Хм, хм, — проворчал пан Ежко.

— Как бы его прогнать? — спросил Кртко.

— Он, должно быть, опасен?

— Это ерунда. Каждый кому-нибудь опасен. Речь о бродяге, который ни во что не ставит законы и обычаи кружин. Охотится на всех и в любое время.

— Да? Тогда ему среди нас нет места, — ответил пан Ежко.

— Он ещё хуже чем Фу, из-за запаха, — продолжал Кртко.

— Тогда он должен убраться отсюда. Тут могут жить только те, кто придерживается исконных правил кружин. Так гласит закон кружин.

Пан Кртко, когда уже совсем успокоился, зарылся в мох спать, поскольку

солнце было уже высоко. Когда под вечер он проснулся, они посоветовались о том, кого должны пригласить на суд. Решили, что суд созовут через два дня, перед восходом солнца, когда по лесным законам уже запрещено охотиться и каждое лесное существо должно спрятаться.

В первую очередь, разумеется, должны найти филина Ху, который является председателем лесного суда.

С этим не было хлопот, он жил неподалёку в дупле дуба.

Самой трудной задачей было найти лесного почтальона сойку Пхе, которая понимала все языки. Об этом позаботился пан Кртко, к которому сойка хаживала едва ли не каждый день.

Договорились ещё, что позовут и лисицу Лупаку, которая очень проворна и по лесным законам не имеет права охотиться после полуночи.

После короткого совещания Кртко простился, чтобы ещё с вечера осмотреть свои лабиринты, сколько червей и майских жуков в них попало.

***

Как только Пхе разнесла новость, в лесу возникли оживление и суета.

А через два дня в лесу состоялся большой суд. Во время заседания суда по лесному закону были запрещены любые убийства и любая охота. Если бы кто-нибудь отважился охотиться во время заседания суда, его бы убили. Так гласил закон леса.

Наступил долгожданный вечер. Было как раз новолуние. Собрались почти все члены лесного суда. Расположились вокруг широкого плоского камня, под которым находилось жилище Ежковцев. Каждый пришёл без опаски, ведь было новолуние и заседал лесной суд.

Председательское место занял филин Ху. Лиса Лупака комфортно растянулась на камне и положила голову между передними лапами. С каким удовольствием набросилась бы она на полевого Ушастика, но — сейчас это запрещено законом леса.

Во всём лесу было тихо, заседал суд!

— Хм, печально, печально! — произнёс председатель Ху.

— Действительно печально, — отозвался Мацко.

— Кто-то презрел лесные законы, — сказал далее Ху.

— Эй, эй, я рёбра ему переломаю, — добавила Лупака и облизала нос.

— Кто же это? — спросила серна Ме.

— Об этом нам скажет Кртко. Прошу!

Кртко сидел съёжившись под корнем, где был мягкий чернозём.

После вызова Ху хотел взобраться на камень перед лицом собравшихся, но с края камня упал назад, так что Мацко катался от смеха над его неловкостью.

— Это серьёзные минуты, никто не должен смеяться! — сделал Мацко замечание председатель.

Мацко был огорчён тем, что перед лицом суда ему сделали замечание. Чтобы исправить положение, он посадил на плечи Кртко.

— Мы слушаем! — побуждал его Ху.

Кртко протёр маленькие глазки и вцепился в шубу Мацко.

— Я приношу жалобу на крысу Си.

— Громче! — подала голос Лупака, которая с удовольствием накинулась бы на Кртко.

— Он ненасытный, он убивает днём и ночью, — добавил обвинитель.

Собрание впало в оцепенение.

Кртко с облегчением вздохнул после утомительной речи и быстро соскользнул со спины Мацко, чтобы сразу же слегка зарыться в чернозём.

— Он должен быть осуждён по законам леса! — произнёс после паузы Ху.

Каждый склонил голову и только Мацко словно не понимал важности момента.

— Думайте, уважаемые, хорошо думайте!

— Изгнать его из леса! — отважилась высказаться серна Ме.

Каждый задумался. Брекеке не обращала внимания на летающего комара, а Фурко свободно прохаживался по спине Фу.

— Хм, это печально, очень печально, — сказала Лупака, не обращая внимания на растянувшегося перед ней Ушастика.

— Он нарушил законы леса, он должен умереть! — сказал Мацко.

— А может быть нет, ведь ему будет больно, — сказала Ме.

— Он должен умереть! Так гласит закон леса! — сказала решительно Лупака.

Наступила гробовая тишина. Её нарушил торжественный вопрос Ху.

— Вы уже подумали, уважаемые, хорошо подумали?

— Так гласит закон леса, — ответила за всех Брекеке.

И снова тишина.

— Завтра, послу полуночи, когда наступит час мира, приговор суда исполнят Кртко, Мацко и Ежко, — решил Ху.

Каждый без слов согласился.

— Заря на горизонте! — с опаской сказала Ме, которая всегда следила, чтобы не пропустить час лесного мира.

Всё собрание пришло в движение и каждый смотрел, как бы поскорее исчезнуть. Ежко толкнул Фурко под камень, исчез и Кртко, а Ху взлетела на самый высокий сук. Ушастик словно угоревший помчался на холм, чтобы спастись от Лупаки, а Лупака побежала за ним, но догнать не смогла. Она вернулась назад, чтобы поймать хотя бы Брекеке, но её встретило враждебное урчание Мацко, который предусмотрительно удалился в чащу.

Над всем лесом воцарилась священная тишина, которая продолжалась до первых лучей восходящего солнца.

Ежко, как только пришёл домой после суда, забрался в постель. Он укрылся мхом и уснул. Спал он до самого вечера как убитый, так что пани Ежкова почесала

ему нос и заметила, что самое время пойти поискать что-нибудь. Ежко зевнул, потянулся и выбрался из норы.

Только сейчас он вспомнил, что вместе с Мацко и Кртко должен исполнить приговор суда. Однако времени было более чем достаточно. Он протёр ушки, почесал носик и направился под свою знакомую грушу.

Когда возвращался нагруженный грушами, услышал негромкое шуршание листьев. Он замер и внимательно принялся. Но ничего не обнаружил. Опасности не было. Сквозь заросли бодро пробиралась Лупака с задуманной дикой уткой.

Лупака заметила Ежко. Она положила утку, придавила её передней лапой и усмехнулась.

— Эге, это ты!.. Я знала, что ты был близко. Учужала тебя. Твоё счастье, что я утку поймала. Не то показала бы тебе.

Ежко не ответил. Он радовался, что Лупака что-то поймала и не будет сегодня им интересоваться.

Он ещё плотнее вжался под ближайший корень и молчал.

Сегодня Лупака действительно не хотела с ним забавляться. Она забрала добычу и побежала к своему логову.

Спустя немного времени Ежко вздохнул и отправился домой.

Он был уже недалеко, когда услышал страдальческий стон, который напомнил ему голос Фурко. Без оглядки на какую-либо опасность, он кинулся в том направлении. В свете луны перед ним открылась страшная картина. Змей Фу, старый колдун, держал за ногу Фурко и ударами хвоста пытался оглушить его.

Ежко словно безумный набросился на Фу. Началась жестокая битва не на жизнь, а на смерть.

Когда Фу заметил своего самого главного противника, он отпустил Фурко и подумал о спасении. Но было уже поздно. Ежко запрыгнул ему на спину и искал его шею, чтобы сомкнуть на ней свои острые зубы. Но и Фу защищался. Он свернулся в клубок и взмахом хвоста отбросил Ежко.

Ежко словно ослеп и оглох. Им владело только желание отомстить за Фурко. Он снова бросился на Фу, но тот уже ожидал этого броска. Он вцепился Ежко прямо в нос. Ежко едва высвободился, нос его был сильно повреждён.

Когда Ежко почувствовал, что у него течёт кровь, он забыл обо всём на свете.

Он заметил опасное движение Фу. Едва успел свернуться в клубок. Фу несколько раз обвил его своим телом, чтобы задушить в тесных объятиях. Ежко был уверен в своих иголках. И верно, давление ослабло, но Ежко уже не мог двигаться. Он попытался освободить лапки, но объятия снова усилились. Он чувствовал, как его иголки проникают в живую плоть. А Фу не уступал даже ценой страшной боли. Более того, он собрал все силы, чтобы задушить Ежко в своих объятиях.

Ежко чувствовал, что приближается его последний час. Он извивался, хотел высвободиться, но Фу не отпускал. Сейчас Ежко был в его власти, и он хотел его уничтожить любой ценой.

Перед глазами Ежко предстала страшная картина смерти. Он вспомнил о своей семье, там, под камнем. Если бы только знала об этом его старуха! И что же будет без него с Фурко и Мурко?

Ему не хватало дыхания, а его лёгкие судорожно сжимались под напором тела Фу.

Подгоняемый инстинктом самосохранения и смертельным страхом близкого конца, он совершил судорожное движение и освободил левую переднюю лапку.

Фу тотчас укусил освободившуюся лапку. Зубы его проникли до самой кости.

Ежко, хотя терял сознание, от жгучей боли снова ободрился. Он начал дёргать лапкой. Фу распрямил спину, чтобы крепче схватить освободившуюся лапку, поэтому ослабил стягивающий обруч своего тела и приблизился головой к носику Ежко.

Ежко почувствовал ослабление объятий и близость головы Фу. Ещё раз он напрягся в смертельной судороге и его острые зубы вонзились в шею Фу. В укус он вложил весь остаток исчерпанных сил и... более уже ничего не помнил. На земле остались лежать два неподвижных тела.

***

Ежкова меж тем спокойно ждала дома. Она убиралась в жилище, поправляла гнездо, но порядок сохранялся лишь пока она оставалась в норе. Стоило ей куда-то отлучиться, Фурко и Мурко остались предоставленными сами себе. Они боролись, состязались в беге, скакали, и вскоре от порядка не осталось и следа.

Когда мама вернулась в жилище, она пришла в ужас от беспорядка. Вся нора в пыли, а клочки мха так и летали.

От ужаса она всплеснула передними лапками.

— Ну, я за порог, а вы вот как, озорники?

Однако отчитывала она недолго. Схватила их за носики и так отшлёпала, что Мурко залился безудержным плачем. Потом загнала их в гнездо, укрыла, убралась на скорую руку и пригрозила:

— А сейчас чтобы даже не шелохнулись. Я иду встречать отца, который вот-вот должен вернуться.

Она ещё раз обнюхала гнездо и вышла через норку.

Однако Ежко не приходил. Уже приближалась полночь, а он не возвращался. Ежкова начала беспокоиться. Ежко никогда так долго не задерживался.

Она решила поискать его. Ещё раз заглянула в нору, проверить, что делают озорники. Мурко уже засыпал, а Фурко щекотал его подмышки и пытался рассмешить.

— Мама, мама, он не даёт мне покоя, — жаловался Мурко.

— А ну, Фурко, спи спокойно! — отругала его мать.

Её смутил какой-то запах. Она почувствовала его ещё вечером, но не придавала этому значения. Однако сейчас, когда Ежко не возвращался, её чутьё в предчув-

ствии опасности обострилось. Она медленно пошла в том направлении, откуда исходил запах. По запаху узнала Фу и сразу приготовилась к бою. И тут нос привёл её к задней лапке Фурко. Она принялась её облизывать.

— Мама, у меня там болит! — произнёс Фурко, который до сей поры старательно скрывал маленькую ранку на бедре, чтобы не выдать своих приятелей.

— Где же это случилось, малыш? — спросила Ежкова.

— Я был под кустом шиповника, а он меня укусил... но я от него ушёл, — объяснил Фурко.

Однако Ежкову это не успокоило. Куда там, её беспокойство даже усилилось. В самом деле, это был, разумеется, Фу, ведь она узнала его по запаху. Он находится где-то поблизости, укусил Фурко, Ежко ещё не вернулся — всё это её сильно беспокоило.

Она быстро вылизала Фурко маленькую ранку, считая это самым лучшим лекарством на свете, и выбралась из норы. Несколько раз обежала она вокруг камня, заскулила, но ей никто не ответил. Только сплетница Пхе стрекотала у ручья. Но Ежкову её новости сейчас не интересовали. Она села на задние лапки и на все четыре стороны обнюхивала воздух. Ничего подозрительного не обнаружила. Хотела углубиться в чащу, но опасалась за своих сыночков. Она осталась сидеть в нерешительности. Тут прямо над ней вспорхнула Пхе и застрекотала так, что вся округа отозвалась. Ежкова заскулила и Пхе, как только это услышала, сразу села немного пониже, чтобы поболтать.

— Ах, ах, наконец-то я вас увидела. Что делаете, как себя чувствуете, что делают ваши детки?

Ежкова на поток вопросов не ответила, заскулила печально. Потом спросила сойку, не видала ли она где-нибудь Ежко.

— Нет, не видала, но подождите, я его поищу, — ответила Пхе, и вскоре по чаще разнеслось её шумное стрекотание.

Ежкова, измученная опасениями за судьбу Ежко, растянулась перед норой, выкопала себе ямку, легла в неё и нетерпеливо ожидала, какое известие принесёт ей Пхе.

***

Была уже почти полночь, когда Мацко проснулся. Так хорошо ему спалось, что он бы и дальше не просыпался, если бы над ним не затрещала отвратительная Пхе, которая знала о каждой тайне в лесу.

— Не знаешь ли, где Ежко? — спросила Пхе.

Мацко угрюмо потянулся, почесал левой лапой за ухом и протяжно зевнул.

— Оставь меня в покое со своим Ежко. Я ему не сторож.

Он повернулся на другой бок и хотел спать дальше.

— Ну и ну, постой, да ты чудовище, ведь ты ещё можешь понадобиться.

— Чтоб тебя с твоими сплетнями! — проворчал Мацко и вскочил, но Пхе уже улетела и стрекотала в чаше.

Пхе не была злой. У неё было такое доброе сердце, что если бы кто-то попросил, она была готова отдать последнее пёрышко. И прежде всего она сочувствовала страждущим, помогала им, советовала, утешала как только могла. Единственным её недостатком был длинный, хорошо подвешенный язычок, на котором ничего не задерживалось. Она знала все тайны, все новости в кружине и почти каждому по секрету пересказывала свои новости.

В конце концов Мацко так разозлился, что сломал молодой бук. Впрочем, это ему не помогло. Пхе была уже далеко, а у него не было крыльев.

О сне нечего было и думать, раз уж его нарушила эта болтунья. А ведь точно был хороший сон! Снилось ему, что сидит он в реке, вокруг течёт чистый мёд, и он едва успевает облизывать лапы. Ещё и сейчас у него слюнки текли, стоило только подумать. И эта ведьма нарушила такой замечательный сон!

Он ещё поворчал, грозно глянул туда, куда улетела Пхе, и отправился в чашу, чтобы чем-нибудь возместить сон.

Мацко был добряком, хоть верёвки из него вей. Вся округа любила его за добрый нрав. Он сердился только тогда, когда кто-нибудь нарушал его сон, поскольку он ужасно любил поспать. В остальное время он свободно ходил по лугам. Да и на шалаши иногда набредал, чтобы собак подразнить. Пастухи уже очень хорошо знали его и не боялись.

Когда он был ещё маленьким, бродил с мамой по малинникам и никто их не преследовал. Но однажды вместе с мамой он украл барана на выпасе. Какие-то люди их преследовали, что-то загремело словно гром, потом снова, и он почувствовал жгучую боль в бедре. Он заскулил и оглянулся на мать. Та лежала на земле и со страдальческим рёвом корчилась.

Мацко сильно испугался и пустился в чашу. Он чувствовал боль в бедре, а по шерсти капала кровь. Стал он рану облизывать. Рана была небольшая и вскоре зажила. Но с той поры он сторонился и овец, и людей. Питался одними корешками и лесными растениями. Лишь иногда он проходил мимо логова Лупаки, и если та забывала перед норой задушенного зайца или фазана, он без приглашения садился и ел столько, сколько ему хотелось. Правда, из логова доносилось злобное ворчание Лупаки, но он ей в ответ только улыбался и с аппетитом облизывал кости. За это Лупака отомстила ему тем, что разорила его берлогу под старым пнём, когда его дома не было.

Так вот, отправился Мацко с ворчанием через чашу и оказался на опушке леса. Перед ним раскинулось обширное горное пастбище. На другом конце леса был шалаш, где жила овчарка Брнчо.

Мацко повернулся против ветра, который дул от шалаша. Широко раскрытыми ноздрями он втянул такой неприятный для него запах Брнчо. А в следующую минуту уже раздался неистовый лай Брнчо.

Отвратительная собачонка. Как же Мацко его ненавидел! Если бы хоть раз он оказался в пределах досягаемости. Но Брнчо никогда не подходит ближе чем на пятьдесят шагов, и на почтительном расстоянии начинает пронзительно выть и лаять. Стоит Мацко появиться, эта собачонка обязательно его учует. Мацко в глаза бы не видел этого Брнчо, если бы он не лаял так пронзительно и не нарушал своим отвратительным лаем покой целого леса.

С пренебрежением посмотрел он в ту сторону, откуда доносился лай Брнчо, и направился вверх к вырубке. Дорогой обнюхивал следы, и они безошибочно выдавали ему всех тех, кто прошёл тут с вечера.

«Ага, сегодня тут уже побывала обманщица-злодейка Лупака, — размышлял он, обнюхивая наклонившийся клён. — И несла что-то с перьями. Подожди, кумушка, пойдём тебя проведать, не оставила ли ты что-нибудь перед норой».

С этим намерением он и направился к логову Лупаки. Однако через несколько шагов его нос ощутил другой запах. Он вздрогнул, потому что почувствовал близость Фу. При его силе Фу, конечно, вовсе ничего не значил, но этого колдуна и особенно его ядовитых зубов боится каждый лесной зверь.

Мацко ещё что-то проворчал и удалился по большой дуге. На одном из камней он нашёл несколько улиток и с аппетитом на них накинулся.

Не успел съесть две, перед ним снова появилась Пхе и громко застрекотала.

— Беда, беда, большая беда, — кричала она.

Мацко не был настроен спрашивать, но голос Пхе его всё же смутил. Когда она начинала кричать по всему лесу, это всегда означало какую-то опасность. Он посмотрел на ветку, на которой она сидела.

— Ну, что там? — проворчал он.

— Ах, беда, беда, большая беда. Фу убил Ежко.

А большего он узнать не мог. Пхе улетела дальше и по всему лесу разносились её причитания.

Мацко сел и стал облизывать лапу, которую оцарапал о шиповник. Одновременно он размышлял: Пхе сплетница, язычок у неё без костей, но иногда она говорит правду. Кто знает, что могло случиться с Ежко. А было бы жаль его. Мухи не обидит, а этот колдун Фу мог его и убить.

Он продолжал облизывать лапу и обнюхивать воздух. В самом деле, запах Фу приходил справа. Он смело отправился в этом направлении. Замечал малейший шорох листьев, чтобы Фу не цапнул его своими ядовитыми зубами.

Добравшись до родника, куда все звери в лесу ходили, чтобы утолить жажду, он замер в изумлении. При свете луны ему открылась неожиданная картина. За камнем, неподалёку от родника лежал какой-то клубок, в котором его острый взгляд разглядел тела Фу и Ежко.

Минуту он колебался. Шерсть на его спине вздыбилась, ведь он находился так близко от Фу. Охотнее всего он улизнул бы, но... Фу не двигался.

Это добавило ему отваги.

Он осторожно приблизился. Снова понюхал воздух, а потом наклонился над клубком. Фу действительно не подавал признаков жизни. Прежде всего, он обнюхал его голову. На спине заметил маленькую рану. Этому ему хватило, чтобы успокоиться.

«Ага, хм, Ежко ему отомстил. Бедняга!»

Теперь он уже смело развернул скрученную ленту тела Фу. В нём уже не было жизни. От радости он забормотал. Тут из объятий вывернулось тело несчастного Ежко.

Взял он в лапы этот колючий клубок и стал его переворачивать. Потом обнюхал ему носик. Острым нюхом он ощутил, что Ежко жив. Заревел так, что всё в лесу притихло. Потом словно умалишённый начал прыгать по телу Фу и одновременно невнятно бормотать:

Умер Фу, Ежко жив,
умер Фу, Ежко жив!

Вскоре от Фу ничего не осталось. На радостях Мацко почти полностью растоптал его. Он был необычайно доволен тем, что мог торжествовать над этим старым колдуном.

Он почесал бок, потом взял Ежко подмышку и направился к Старому камню.

Под камнем, где жила семья Ежко, царило уныние. Ежко не возвращался. Ежкова думала, что плутовка Лупака его как-нибудь погубила. Она заплакала и принялась укрывать своих маленьких озорников.

Было уже за полночь, когда кто-то зашуршал перед камнем. Ежкова ещё теснее прижалась к Фурко, чтобы их никто не заметил, когда отца нет дома.

«Ух, ух, Ежко здесь!» — пробормотал кто-то возле камня, а Ежковой больше и не требовалось. Она высунулась из-под мха и с радостью обнаружила, что у дверей стоит Мацко. Его можно было не опасаться. Он питался только лесными плодами, а на несчастных никогда не покушался.

Она откинула мох, которым были прикрыты Фурко и Мурко, и через боковое отверстие выглянула наружу. Зари ещё не было видно, значит, был час лесного мира, и она без опасения выбралась из-под камня.

Там лежал Ежко и едва-едва двигал лапками. Сердце её чуть не разорвалось, когда она увидела его таким несчастным. Она прижалась к нему и принялась жалобно плакать.

— Ну, ну! Хм, хм, с ним ничего серьёзного, — утешал её Мацко.

В это время над камнем появился Ушастик и на всякий случай шевелил большими ушами.

— Ничего не бойтесь. Только приложите ему капустный лист.

Ежкова этого даже не услышала и принялась закатывать Ежко в нору.

Мацко улёгся возле камня и стал отгонять мух, которые не признавали лесных законов и донимали всю ночь.

Ушастик сбегал на соседнее поле и принёс три капустных листа. Когда он взобрался Мацко на рёбра, Мацко даже не заворчал.

Ежкова вышла из-под камня. Она была печальна.

— Плохо, плохо, очень плохо! Он даже не двигается.

Мацко покачал головой.

— Я его заверну в капустные листья, — сказал Ушастик, — только пустите меня туда.

— Ах, ай, действительно плохо. Кто же принесёт грушек нашим малышам?

Ушастик вытер усы, засунул капустные листья подмышку и через отверстие забрался под камень. Тем временем Ежкова плакала перед норой.

Ежко был в очень плохом состоянии. Он пришёл в сознание, но не мог даже пошевелиться. Он был весь переломан. Фу не жалел сил, ведь он хотел сжить его со света.

Он скулил, стонал и тщетно пытался распрямить свои сломанные кости. Когда учуял рядом Ушастика, лишь застонал тихонько. Ушастик сразу принялся за дело. Он завернул Ежко в капустные листья, обложил его мохом и приказал ему не двигаться. Меж тем вошла и Ежкова, но кроме хныканья она ни на что не была способна.

Ушастик был безмерно рад тому, что может кому-то помочь. Он застучал задними лапками и через боковое отверстие выбрался из-под камня. Там лежал Мацко и до сих пор о чём-то размышлял.

— Ну, и как он там?

— Пустяки. Кости сломаны, но капустные листья ему помогут.

После этого объяснения Мацко снова положил голову на передние лапы и комфортно отдыхал. Он вспомнил, что именно сейчас вместе с Ежко они должны были наказать никчемную крысу, но Ежко совсем разбит, а без него это невозможно.

Ушастик тем временем скрылся, снова направляясь за капустой. Под кустом шиповника жила его семья, и он хотел ей что-нибудь принести на завтрак.

Мацко перевернулся на другой бок. Он посмотрел на отверстие под камнем, но оттуда слышал только негромкие причитания Ежковой. Он не выносил плача. Неспешно поднялся, зевнул и побрёл в лес.

***

Под плоским камнем наступили печальные времена. Ежко и впрямь был совершенно разбит. Не мог даже повернуться, постоянно был горячий, словно в огне. Ежкова глаз не смыкала, только когда её одолевала усталость, она на минутку засыпала. Но стоило Ежко застонать, снова бегала вокруг, закутывала его в капустные листья, которые каждую ночь приносил к камню Ушастик, и кормила его яблочками. Однажды дала ему жука, но Ежко ничего не хотелось. Его постоянно мучила жажда, и Фурко, который уже основательно изучил лес, не успевал носить в ореховой скорлупе воду из родника. Однажды Кртко принёс ему живого дождевого

червя, но Ежко точно ничего не хотелось. Да что там, однажды Мацко принес ему кусок мёду, за которым он вскарабкался на наклонённое трухлявое дерево. Лесные пчёлы его, конечно, основательно покалечили, но он об этом не жалел.

Признаки постепенного выздоровления всё же появились. Через две недели прошёл жар, появился аппетит, а через три недели он уже попытался свернуться в клубок. С трудом, но это ему удалось.

Ежкова только того и ждала. Она позвала Мурко, который боялся покинуть укрытие, и общими усилиями они выкатили Ежко из-под камня.

Ежко развернулся и вдохнул полной грудью. Припекало осеннее солнышко. Вся природа готовилась к зимнему отдыху. Лес приобрёл золотисто-жёлтую окраску, и по всему лесу пахло опавшей листвой.

Ежко усадили на прогретый солнцем камень и обложили сухими листьями.

— Вот так, погрейся. Это для здоровья, — сказала Ежкова.

Ежко не ответил. Он так давно не дышал свежим воздухом. Он, который каждую ночь сновал по чаще, гонялся за лакомыми лесными мышами и стряхивал с ветвей майских жуков, сейчас должен неделями лежать под камнем, так хотелось ему крикнуть всему свету, что он уже здоров и снова видит улыбающееся солнышко.

Он сделал резкое движение, словно хотел подпрыгнуть. Но острая боль в боку напомнила ему о его состоянии. Сразу вспомнился Фу. Он поневоле улыбнулся. Это была жестокая битва. Но он убил его. Победил этого старого колдуна.

Пока Ежко грелся возле камня, у Ежковой было полно работы. Мурко тоже надо было поворачиваться. Он должен был позатыкать под камнем все щели, а Ежкова тем временем вытащила из норы весь мох. Тем временем вернулся Фурко и был очень расстроен тем, что ему не удалось ничего поймать. Ежкова шлёпнула его лапкой по носу за то, что посмел охотиться днём, а потом приказала, чтобы он вымел всю нору и выложил её сухими ореховыми листьями. Фурко, конечно, больше нравились авантюрные прогулки по кружине, чем работа по дому, но мамы он боялся и слушался её. Ежко ему часто многое прощал. Он гордился своим сыном — ну разве он не был лучшим! Но Ежкова этого знать не хотела.

Когда нора была проветрена и прибрана, Фурко и Мурко должны были нанести свежего мха, которого было достаточно на камне, и сделали новое гнездо. Потом Ежкова старательно заткнула все дыры, поскольку стало холодать, Ежко снова внесли под камень, укрыли его мхом, и Ежко спокойно уснул.

Ежкова принесла из кладовой ужин. Каждый получил по две грушки и по одному майскому жуку. Фурко хныкал, что он ещё что-нибудь съел бы, но Ежкова толкнула его в угол, где он спал, да положила к нему ещё и Мурко. Фурко несколько раз ущипнул Мурко за бедро, так что тот захныкал от боли. А когда они почували близость мамино носа, оба затихли, Фурко повернулся на другой бок и начал похрапывать. Ежкова ещё раз укрыла их, обнюхала спокойно спавшего Ежко, а потом и сама забила в угол.

***

Близился вечер. Мацко проснулся, но был не в самом лучшем настроении. Весь день его донимали мухи. Стоило немного задремать, целой стаей они уже сидели на носу. Когда взошла луна, ему стало легче. Повеял прохладный ветерок, мухи исчезли.

Однако проснулся и желудок Мацко. Он поднялся, потянулся, облизал морду и что-то пробурчал себе под нос.

Без цели направился в лес. Конечно же, хотел поскорее что-нибудь положить на зуб, однако не очень беспокоился. Ведь ещё оставалось немного мёда в гнезде лесных пчёл на старом дереве. Другое его беспокоило. Он чувствовал себя слишком одиноким. Пока ещё Ежко был здоров, он заходил к нему поговорить при свете луны, а сейчас не было у него никого. Ежко пока ещё всё время лежал. Ху уже месяц ищет подходящее дупло, в котором мог бы спать зимой. Кртко готовится к зиме. Ушастика подстрелили какие-то ненасытные люди, А Лупака? — с этой даже в час мира невозможно поговорить. Та сейчас муштрует своих лисят, чтобы они умели красть кур из курятников. Да он и не любил Лупаку. Всё это разбойничье семейство только позорит обитателей леса.

Мацко бранился на весь белый свет. Мухи не давали ему покоя, не было приятеля, с которым он мог бы поговорить. Весь мир не стоит испечённого языка сплетницы Пхе. Как же грустно одинокому медведю! Если бы сейчас к нему явился обратительный Брнчо, он бы и с ним подружился.

Он направился прямо к шалашу. По крайней мере Брнчо подразнить. По дороге строил планы, что если Брнчо окажется в досягаемости, он схватит его и унесёт под свой пень.

Там он его накормит мёдом, потом сунет в логово Лупаки и будет смотреть, как Лупака ему шубу перешивает.

При этой мысли он рассмеялся вслух. Вот будет забава, когда Брнчо будет визжать, а Лупака будет ему кожушок перешивать.

По дороге к шалашу он оказался перед логовом Лупаки. До него донёсся лай. Он осторожно приблизился и из-за пня старого дуба высматривал, откуда исходит лай. Его острый взгляд увидел пир перед норой Лупаки.

Он поднял нос и наблюдал, откуда тянет ветер. Потом сделал целый полукруг, чтобы оказаться против ветра. Осторожно примерно на десяток шагов приблизился к пиру, чтобы его никто не заметил. Возле молодого явора он хотел сесть поудобнее и наблюдать за пиршеством верещащих лисят, однако сломанный сук его выдал, лисята с визгом быстро забрались в логово и наступила тишина.

Мацко вышел на полянку и огляделся. Не заметил ничего особенного. Только Пхе над ним застрекотала, а из-под камня Лупаки доносилось громкое хныканье. Это лисята бранили его за то, что он испортил им отменный пир.

Он приблизился к камню. Вообще-то он охотно сюда хаживал, поскольку Лупака частенько забывала что-нибудь, что он мог бы ещё облизать. На этот раз он был поражён. Перед камнем лежали разбросанные кости крупного зверя. Он обнюхал их. Это были кости Ме.

Он почти заревел. Ме, которая никого в лесу не обидела, погибла ради обеда голодной Лупаки. Старая мошенница! Не думает о том, что и у неё есть детки. А у Ме как раз была такая маленькая козочка. Он много раз видел как она скакала по кружине, часто даже смеялся над её прыжками.

А сейчас! Лупака задушила Ме. Правда, таков уж закон жизни, что сильный съедает слабого, но тут возникает проблема беспомощных потомков! Те без вины оказываются во власти более сильных индивидуумов.

Мацко разозлился. Он подскочил к камню, чтобы отвалить его и передушить всё это разбойничье семейство. Он положил свои мохнатые лапы, злобно зарычал, но камень не сдвинулся. Его злости и силы не хватало. А из-под камня до него доносились весёлый визг лисят и ворчание Лупаки.

Если бы у него были силы, он этот камень разбил бы в пыль. Он пустил в ход и зубы, так что глаза его зловеще налились кровью, но и это не помогло.

— Чего ты хочешь? Ступай своей дорогой! — услышал он из-под камня.

— Хм, лишь бы достать тебя, старая мошенница, — ответил Мацко.

— Ступай своей дорогой. Какое тебе до этого дело? Я добываю для своих, что удастся.

— Но Ме тебя не обижала.

— А пчёлы тебя обижали?

Мацко не нашёлся что ответить. Лупака, пожалуй, была права. Никто не мог жить так, чтобы никому не причинять боли. Таков закон жизни. Каждый живёт за счёт кого-то, в лучшем случае — в ущерб кому-то. Что ему Лупака? Пчёлы тоже живут и не обижают!..

А ведь пожалуй и пчёлы обижают!. Ведь они должны жить. И Ме обижала. Она обгрызала живые цветки и почки, жевала нежные ростки. Таков круговорот жизни. Одни поедают других, чтобы потом послужить пищей третьим.

Мацко махнул лапой. Какое ему до этого дело? Главное, чтобы был покой и можно было есть досыта.

Он ещё раз заглянул под камень, но уже не злобным взглядом, и направился вверх по вырубке. Потом без цели бродил почти до самого вечера.

Когда он приблизился к лужайке, на которую хаживал за боярышником, вдруг услышал болезненный стон и трепыхание крыльев. Он выглянул из-за куста и увидел горного орла, под которым корчилось тельце маленькой серны. Он не рассуждал. Это была маленькая серна, мать которой задушила Лупака. Он набросился на ничего не подозревавшего орла, ударом мощной лапы сбил его, потом укусил его за грудь и спустя минуту на лужайке лежали только окровавленные перья да куски разорванного мяса.

Он был вне себя и продолжал бы до тех пор, пока от этого хищника даже котка не осталось нетронутым, но обернулся на болезненное блеяние серны. Она вставала на ножки, падала, поворачивала голову в сторону кружины, снова падала и оставалась лежать.

Мацко хотел уйти, но когда увидел, что серна неподвижна, он медленно приблизился к ней. Серна, лишь только почуяла близость медведя, задрожала всем телом и вскочила. Впрочем, силы ей изменили и она упала.

Мацко видел, что вся голова у неё в крови. Это была работа орла, который всегда первым делом ослепляет свой обед. Он вытащил серну из кружины. Серна дрожала, стонала, но сопротивляться уже не могла. Он прилёг рядом с ней и принялся облизывать её окровавленную голову. Вместо глаз у неё были только две ямки, из которых понемногу текла тёплая кровь.

Мацко что-то сдавило горло. Серна, которая так весело и беззаботно скакала с мамой по кружинам, сейчас одинока, ослеплена и без способности к сопротивлению отдана на произвол более сильных, хищников. Где же справедливый закон леса? Она уже не сможет защититься даже бегством.

Мацко вскочил и заревел так, что скалы отозвались. В его рёве обнаружился гнев, укор и сострадание одновременно. Когда он посмотрел на убогое дрожащее тело серны, ему сразу пришло на ум, чтобы одним ударом лапы покончить со страданиями маленького существа. Глаза его налились кровью и он поднял мохнатую лапу. В этот момент серна страдальчески застонала. Мацко что-то сдавило горло и лапа его бессильно опустилась. Если бы ему на пути попался какой-нибудь бык, он с ним легко бы управился, поскольку тот сильный и имеет возможность защищаться. Но убить беззащитную искалеченную серну он не мог.

Он снова наклонился над бесчувственным телом серны. Снова облизал её раны, кровь на которых уже потемнела. Серна застонала и открыла маленький ротик, из которого на Мацко пахнуло горячее дыхание.

Вот это горячее дыхание Мацко уже знал. Так дышат, когда испытывают сильнейшую жажду.

Он поднял её с земли. Отнёс к ручью и сунул её головку к воде.

Как только серна почувствовала ток свежей воды, её чёрный ротик начал глотать освежающую влагу. После холодного питья она немного пришла в себя, но едва почуяла запах медведя, снова стала дрожать от страха.

Мацко кажется что-то пришло на ум. Взял он серну подмышку и во весь дух помчался вверх по откосу. Он не пошёл в ту сторону, где под пнём была его берлога, но направился стороной вглубь кружины. Когда добрался до другой долины, устремился направо под огромную глыбу, под которой у него была выкопана большая берлога, в которой по обыкновению он спал зимой. Серну он положил перед входом и с необычайным воодушевлением принялся за работу. Сегодня мысль об ужине ему и в голову не пришла. Он нагрёб сухих листьев и наносил их почти до половины норы. Потом положил на листья серну, сам лёг рядом с ней, облизал её

чёрный носик и при этом бормотал что-то невразумительное. Серна стала дышать спокойнее. Иногда она ещё дрожала, стонала, но когда почувствовала приятное тепло его могучего тела, прижалась к нему и уснула. Мацко не уснул. Всю ночь он следил за беспокойным дыханием своей несчастной компаньонки и не шевелился, чтобы её не разбудить. Ему было приятно, что он не одинок.

***

В Березняках было тоскливо. Уже не доносилось щебетание певчих. Пришли первые морозы и наступила суровая зима. Кртко не отваживался покидать свой холмик, а Мацко не появлялся. Ху уже несколько дней искал подходящее дупло, а Лупака закапывала излишки добычи, чтобы что-то осталось на чёрный день, когда наступят жестокие морозы.

Только Пхе жила беззаботно. Летала вплоть до третьей просеки и не беспокоилась о будущем. Всюду ей что-нибудь да найдётся, всюду её чем-нибудь да угостят, и ей этого хватало. Однако сильно её тревожило то, что уже несколько дней она не видела Мацко. Без него в Березняках и жизнь была не жизнь. А сейчас он совсем уединился! Должно быть, его пчёлы напугали, либо он чем-то испортил желудок и сейчас отдыхает где-то в берлоге, пока не спадёт его распухший нос. Мацко был конечно отшельником, но никогда не появлялся в кружинах с распухшим носом или в каком-либо беспорядке. У него даже лапы не бывали испачканы. А Пхе непрестанно стрекотала, где Мацко задерживается и что с ним. Целыми днями и даже ночами летала она из конца в конец, чтобы разрешить загадку, но не нашла его нигде.

У Ежковцев всё склонилось к лучшему. Ежко уже самостоятельно вышел из-под камня, и был горд тем, что победил Фу. Фурко с каждым днём становился умнее, каждый день ходил облизывать камешки туда, где Мацко растоптал Фу. Однажды принёс и домой немного. Однако сейчас он должен был соблюдать осторожность, поскольку уже несколько раз слышал в лесу лай Брнчо. Брнчо он не боялся, поскольку тот ему ничего не мог сделать. Он боялся пастуха. Во всяком случае, Пхе говорила, что пастухи для ежей опаснее любого хищника. Пастухи, говорят, ежа обдерут, высушат его кожу, а потом привязывают её к носу ягнятам, чтобы овцы не давали им молока. Так говорила Пхе, и Фурко ей верил. Пхе была очень осведомлённой.

Приближался вечер, и Фурко собирался на обход: заменить больного отца и принести ещё что-нибудь на зиму. Ещё вчера он нашёл недалеко от камня раскидистый дичок, на котором созревали плоды. Как только их слегка прихватит морозом, будут готовы на обед. Юная белочка, с которой он заигрывал, обещала ему насбрасывать их, лишь бы он нашёл ей хорошее укрытие, в котором она могла бы запасти на зиму орехов.

Фурко взобрался на камень, осмотрелся, нет ли опасности, и направился под дичок, где было назначено свидание с белочкой. Но стоило ему удалиться на двадцать шагов, неподалёку он услышал пронзительный лай Брнчо. Этот наглый Брнчо! Все ноги ему исколол бы, если бы мог.

Едва успел он свернуться в клубок, в следующую минуту Брнчо накинулся на него и начал пронзительно подвывать. Этого Фурко не боялся, только бы не пришёл пастух.

Брнчо принялся катать его из стороны в сторону, при этом угрожал, что всё сделает, чтобы добраться до его шкуры.

Фурко терпел и надеялся, что Брнчо надоест переворачивать его без толку. Ему повезло, что он оказался над камнем. Брнчо, непрерывно лая, докатил его до норы, и когда Фурко это почувствовал, он быстро развернулся и исчез под камнем.

Семейство Ежковцев в оцепенении слушало завывания Брнчо. Ежко знал, что Фурко в опасности, но верил в его разумность. Только пусть не разворачивается, и тогда спасётся. Ведь Брнчо надоест, когда он исколет лапы.

Когда лай Брнчо приближался к камню, их надежда росла. И они не ошиблись. Фурко, весь потный но абсолютно здоровый, втиснулся под камень. Ежкова не знала, что ей делать от радости. Фурко, конечно же, озорник, но он был её любимцем.

Радоваться было некогда. Едва убедились, что Фурко вернулся здоровым, под камень уже просовывалась лапа Брнчо.

— Ну и пусть, ему это надоест! — успокоил их Ежко и прикрылся мхом.

Но Брнчо был сегодня в особом настроении. Он воткнул свой нос в нору и когда почувствовал оттуда сильный ежовый запах, принялся яростно рыть. Камни и глина так и летели вокруг него. Вход в нору Ежковцев настолько расширился, что даже Ежко забился в угол, чтобы Брнчо не достал его лапой.

Фурко решился на смелый поступок. Никого не спрашивая, он влез в расширенное отверстие и выставил в дыру спину. Когда Брнчо почуял ёжика, он принялся яростно лаять, но когда уколол лапы о спину Фурко, его агрессивность сошла на нет. Он ещё раз попытался засунуть лапы под камень, но когда раз за разом вытаскивал их окровавленными, со злобным лаем убежал в шалаш.

Когда перед норой уже не было опасности, Фурко выскочил и принялся кувыркаться по норе. Мурко тем временем съёжился в самом дальнем углу и дрожал перед Брнчо, о котором Ежкова рассказывала ему страшные истории.

Ежкова тоде повеселела, тотчас сбегала в кладовую и принесла целых два майских жука, чтобы попировать после опасности. Фурко со скорлупкой сбегал к роднику за водой, потом все расположились вокруг жуков, которых Ежкова разделила, и принялись за ужин.

Ещё и начать не успели, как перед входом кто-то появился. Все повернули носики ко входу.

Можно было не опасаться. Пришёл Кртко и жаловался на зиму.

— Зима, зима! А будет беда! — объявил Кртко и рыльцем сгребал перед собой листья.

И Ежко повернулся во мху, когда услышал голос Кртко.

— Будет беда. Большая беда. Червяки глубоко забираются, а это предвещает большую беду. Уж я-то знаю! — продолжал Кртко.

— Разумеется, вы кое-что отложили на зиму, — заметила Ежкова.

— Отложил, отложил, конечно же отложил. Под шиповником, где спит Ушастик, у меня полная кладовая. Лишь бы люди не пришли и не завалили мои дорожки. Люди злые, — отвечал Кртко.

— Конечно, люди злые, и даже очень злые. Знать не хочу того, кто им помогает. Их уста полны любви к ближнему, а от самой любви того и гляди съедят друг друга. Я это знаю. Послушал однажды косарей в шалаше, — говорил Ежко, придвигаясь ближе к Кртко.

— И я слышала. Рассказала мне об этом Пхе. У людей, говорят, столько написанных законов, что они их даже не знают. И при этом, говорят, каждый обходит и толкует закон так, как ему это нравится, — добавила Ежкова.

— Что же это за чудовища, эти люди? — поинтересовался Фурко. — Я таких существ ещё не видел.

— Твоё счастье, — объяснил Ежко, — что ещё не видел. Это и в самом деле венец творения, как они гордо заявляют, но даже хищники в кружине не так эгоистичны, как некоторые люди.

— Это какие-то страшные звери! — сказал Фурко.

— Да, действительно страшные, и даже очень страшные.

Тут Кртко глубоко вздохнул и почесал ушки. Он устал от долгого разговора. Пани Ежкова принесла ему целую голову от жука-медведика, и он с удовольствием принялся за угощение. Потом ему предложили спать у них, когда будут сильные морозы, что Кртко принял с большой благодарностью. Пока не сойдёт снег и на лужайке не появятся первые бутоны цветов, будут жить тут вместе. Он перенесёт свои вещи, Ежкова сложит их в чулане, и пока хватит запасов, они будут есть вместе. По крайней мере им будет тепло и нескучно.

Кртко домой уже не вернулся. Он напился воды, которую Фурко принёс в скорлупке, зарылся в мох и стал спокойно похрапывать. Ежкова ещё позатыкала мхом дыры, а потом все свернулись в клубок на своих местечках.

В лесу наступили грустные времена. Целыми днями валил снег, а по ночам бесчинствовал сильный мороз. И не было вокруг ни живой души. Только Пхе несколько оживляла склон своим стрекотанием. Она летала с холма на холм лишь для того, чтобы немного согреться. Поговорить было не с кем, и это мучило её более всего. У неё было своё гнездо в долине, в старом дуплистом буке, но ей там не нравилось. Летом почти каждый вечер хаживал к ней Ху, но сейчас она его побаивалась, поскольку у Ху острые когти, а в поле хватать было нечего. Уж лучше летать одной и стрекотать, чтобы по крайней мере её голос прибавлял лесу немного жизни.

И Лупака осторожничала. Летом могла бегать вволю, а сейчас должна была соблюдать осторожность. В любой момент могли появиться охотники, и следы на снегу могли её выдать. Поэтому она выискивала незаснеженные дорожки, чтобы

по крайней мере затруднить выслеживание. Каждое существо держалось настороже, даже вовсе не показывалось без нужды. А у неё уже в желудке бурчало. Она забрела даже на выпас, но там её проклятый Брнчо сразу учуял, а пастух начал бухать из какой-то палки, так что от этого весь склон провонял. Потом она обнюхивала под шиповником лёжку Ушастика, но и тут запах уже выветрился. Возможно, Ушастик переселился, либо его съели двуногие существа с гремящими палками. Один за другим стала она проверять свои тайники, где прятала остатки недоеденных костей. Ах, как они были хороши, как нравились её деткам!

— Ищешь? Ищешь? И я ищу...

Она посмотрела вверх и увидела Пхе, которая прыгала с ветки на ветку.

Она облизала носик и ничего ей не ответила. Вот если бы ей удалось схватить её когтями, из неё получился бы хороший ужин.

Голод начинал её сильно мучить. Вспомнила о многочисленном семействе Ежковцев. При мысли о свежей ежатине она облизала носик. Она знала Ежко уже давно, но лесной мир ещё не наступил, к тому же наступает и закон лесной нужды.

Она направилась к камню ежковцев. Место знала очень хорошо. Ведь там проходил лесной суд. Она сунула под камень нос и почувствовала запах свежей ежатины. Её жадный язык начал потеть и на зубы опускалась горячая пена. Лапами разгребла она замёрзший снег и принялась отчаянно рыть. Ведь закон голодного желудка отменяет все прочие.

Под камнем у Ежковцев всеми овладел испуг, когда они услышали, что к ним ломится Лупака. С ней нельзя играть как с Брнчо. Она более настойчива. Что взбрёт ей в голову, того добьётся. Лупака голодна, сейчас морозы, тут никакой закон не имеет силы. Одна надежда на замёрзшие пальцы и глубокую нору.

Кртко, который как раз был у Ежковцев, дрожал так, что у него шубка тряслась, и забрался с Мурко в самый тёмный и самый далёкий угол, а к ним, заламывая лапки, прижалась Ежкова. А Фурко сразу выставил спину, чтобы Лупака исколола лапы. Однако это не помогло. Лапы у Лупаки огрубевшие, и она была готова к такому отпору. Если бы она не была так голодна, может быть ещё и отступилась бы, а так она не знала преград. Даже иглы Фурко её не останавливали.

Дыра под камнем начинала опасно расширяться, так что лапа Лупаки уже касалась Мурко, который принялся горько плакать. Все уже оставили надежду на спасение. Только Ежко оставался спокоен. Рёбра у него ещё болели, но когда он увидел, что Лупака не отступает, он с трудом поднялся, откинул мох и остановился перед чуланом.

— Лупака, одумайся, мы будем защищаться! — сказал он.

Но Лупака его не услышала. Доносилось только её тяжёлое хрипение. Более того, в норе уже ощущалось её горячее дыхание.

— Лупака, одумайся, мы будем защищаться!

Лупака снова не ответила. Куда там, она принялась копать с ещё большей настойчивостью.

— Лупака, расквешься! У тебя же дети! — слабым голосом кричал из норы Ежко.

Однако он не получил никакого ответа.

— Лупака, ты не оставишь нас в покое? В последний раз спрашиваю!

Лупака словно ослепла. Ей хотелось как можно скорее запустить свои голодные зубы в свежую ежатику.

— Лупака, у нас здоровые и весёлые дети...

Снова никакого ответа.

Когда Ежко убедился, что просьбы не помогают, он перебрался в чулан и там что-то передвинул под жуками. Потом, постанывая, притащился назад и снова угваривал Лупаку.

— Лупака, одумайся. Будешь помнить. Перестань!

Но Лупака уже даже не слушала. Она хрипела и всё глубже вонзала лапы в расширенную дыру.

Ежко осторожно вытащил из-за пазухи что-то маленькое, а потом что было сил воткнул в протянутую лапу Лупаки. Та дёрнула лапой, а потом принялась копать ещё неистовее.

Через несколько минут её силы всё же стали ослабевать. Постепенно она и хрипеть перестала, села перед камнем, облизывая покрытый пеной нос. Потом вытянулась, словно сонная, несколько раз дёрнула задними лапами и осталась лежать неподвижно.

— Мерзавка! Так тебе и надо, раз слушать не хотела, — сказал Ежко, вылезая через расширенную дыру.

Утомлённые ужасом обитатели норы не могли прийти в себя от страха. В ответ на их любопытные взгляды Ежко дал краткое объяснение:

— Вот так. По заслугам. Когда я был ещё вполне здоров, появилось тут некое страшное существо — всего лишь маленькая змея, — которое своим ядом уничтожало даже самое сильное существо в кружине. Подстерёг я его и убил. Потом я вытащил его ядом наполненные зубы и спрятал их. А сейчас я воткнул один в лапу Лупаки. Так ей и надо. Сильный думает, что у слабого вообще нет никакой защиты.

Потом Ежко снова забрался в мох, поскольку отпор его сильно утомил. Ежкова вышла из норы. Лупака действительно лежала без признаков жизни. Она вернулась и принялась затыкать повреждённый вход. Досталось ей работы, впрочем, кроме Ежко, все ей помогали.

А через несколько минут снова было тепло и уютно по камню, где семейство Ежковцев радовалось счастливому спасению.

***

С Мацко произошли ужасные перемены. Прежде он вносил оживление в кружины, с каждым повеселится, а сейчас всех сторонился, а хищникам сразу показывал свои жёлтые клыки. Он переживал за свою серну Ме, как называл её по имени матери.

Маленькая Ме многое пережила. Она корчилась от боли и дрожала от страха, когда ощущала рядом запах Мацко. Но со временем привыкла, когда убедилась, что Мацко утоляет её боль. Наконец она привыкла настолько, что боялась, когда Мацко не было дома. Когда он удалялся от неё на несколько шагов, она уже поднимала носик, а когда чувствовала запах Мацко, с радостным блеянием бросалась к нему прямо через кусты.

И Мацко изменился. Прежде он порвал бы любого, кто его потревожит. А сейчас жить не мог без маленькой Ме. Она грела его, держалась рядом и постоянно крутилась возле него, тёрлась своим чёрным носиком о его мохнатую шубу. Не отходила от него ни на шаг. И в нём стало расти гордое самосознание защитника.

— Ме, пойдём, поищем чего-нибудь. Я уже озяб, — сказал Мацко. Ме, подчиняясь только инстинкту, даже не сознавала своего убогого состояния, вовсе не жаловалась.

Она подскочила и тут же прижалась к его грубой шубе.

Они направились вверх по склону. Снег уже кое-что закрыл, но Мацко без труда отгребал снег со старой травы, которая так нравилась Ме. Потом он привёл её к тёплому ручейку, где круглый год была свежая травка. Он обнюхал воздух, сел на краю лужайки и следил даже за малейшим шорохом ветвей, чтобы Ме никто не потревожил. И Ме спокойно паслась, обгрызая последние побеги зелёной травы, а потом напилась из свежего ручейка.

Лично для себя Мацко нужно немного. Лесная жизнь научила его как выживать. Когда у него начинало бурчать в желудке, он не знал хлопот. Когда Ме спала, шёл на Копаницу, там совал лапу в дупло дуба и когда она измажется мёдом, хорошенько её облизывал, потом напивался воды и этого ему хватало. А когда мёд заканчивался, он собирал буковые орехи и жёлуди. Беспокоиться было не о чем.

Для Ежковцев тоже наступили трудные времена. Ежко, конечно, уже вылечился, и только иногда жаловался на покалывание под лопаткой, однако морозы были суровые. О сборе пищи нечего было и думать; даже высунуться из-под камня он не отваживался. Они заткнули все дыры и прижались друг к другу в тёплом мху.

После морозов выпало столько снега, что закрыло весь камень. Так Ежковцы были зимою защищены. Под снегом Ежко и Фурко наделали коридорчиков, чтобы можно было подышать свежим воздухом.

Зима длилась долго, и кладовая пустела. Ежко с тревогой наблюдал за ней. Он озабоченно рассчитывал, на какое время ещё хватит, и выглядывал из-под камня, не начал ли таять снег. Однако освобождение не приходило.

Однажды Ежкова принесла печальную новость, что у них остался только один жук-рогач, которого она приберегла к празднику. Ежко уже ничего не хотелось. Он выбрался перед камнем и грустно ходил по коридорчикам, внимательно обнюхивая землю, не повлажнела ли она от просочившихся капель. Но нет. Снег не сходил.

Фурко тоже вышел. Ему сразу пришло в голову, что он должен сделать что-то значительное. Принялся с ожесточением копать, чтобы добраться до поверхности. Снег был сыпучий, копалось ему легко. Так что вскоре засыпал дорогу позади себя.

Только на самом верху он натолкнулся на преграду. Верхняя снежная корка была довольно толстой, но Фурко мужественно сражался, пока не оказался на поверхности.

Как глубоко он дышал на свежем воздухе. Вид округи его удивил. Она была совершенно белой, какой он никогда ещё не видел. Он взгляда не мог оторвать. Был настолько поряжён, что даже не заметил, как над ним уселась Пхе.

— Ну как, хлопчик, живёте, живёте, живёте?

— Беда, беда. У нас есть нечего.

— Хм, действительно беда. И у меня порой в животе урчит. Подождите! Может что-нибудь найдём...

Задул студёный северный ветер, так что Фурко задрожал. Он быстро юркнул обратно под камень, где Ежкова долго оттирала его, чтобы согреть замёрзшие лапки. А на следующий день, когда от голода все были почти обессилены, Фурко выбрался своим лабиринтом на поверхность и принёс корку, которую туда принесла добрая Пхе. Вот так их Пхе и кормила до самой весны почти, каждый день принося что-нибудь, что ей удавалось найти в мусорной куче или на тропе. Так до весны и дожили.

Едва сошёл снег, в кружинах, словно по мановению волшебной палочки, началась новая жизнь. Уже никто не думал о страданиях, перенесённых за зиму. Все исхудали до костей, однако не могли нарадоваться лучам весеннего солнца.

Однако с весенними лучами пришли и всевозможные хлопоты.

Смотри-ка, однажды Ежко вернулся в радужном настроении и объявил Ежковой:

— Старуха, у нас новые соседи. И у них есть молодая ежиха. Пойдём посватаемся и женим Фурко.

Ежкова подпрыгнула от радости и быстро собралась в путь. Она уже мечтала, какой будет у неё сватья, как они иногда будут болтать о том, о сём.

Сначала послали Мурко с толстым белым мотылём, чтобы он предупредил о визите. Мурко пришёл назад в восторге от того, как его встретили.

Под камнем воцарилось праздничное настроение. Ежкова наводила порядок, убиралась, выметала, а Фурко в углу точил зубы. Ежко осматривался перед камнем, чтобы найти какое-нибудь новое укрытие для молодых.

Весеннее солнце светило так ярко, что чудесное тепло разливалось по всему лесу.

— Ах, беда, беда! Большая беда! — застрекотала над ним Пхе.

— Что случилось? — спросил Ежко.

— Беда, большая беда. В кружине люди. А это самые страшные хищники! — сказала Пхе.

Едва Пхе известила об этом, в лесу загремели выстрелы, и несчастная Пхе за-мертво упала с ветки. Ежко в оцепенении протиснулся под камень и наблюдал, что будет дальше. Тотчас появился какой-то зелёный хищник, поднял Пхе, вырвал у неё крыло и воткнул его за шляпу. Потом он бросил её и пошёл дальше. Ежко

это совсем не понравилось. Осудили они крысу, но она за зиму определённо ушла. Лесные звери убивают ради защиты или от голода, но человеческий хищник убивает ради своего удовольствия. Это не по закону. Он спрятался, чтобы его даже не видели.

Весь лес пришёл в ужас. Явился человеческий хищник, и он не признаёт закон — только своё удовольствие.

Этот хищник слаб, но вероломен и догадлив, так что ни один хищник не может с ним сравниться.

И Мацко отправился со своей Ме в глубь леса едва услышал первый выстрел. С человеческим хищником он был уже знаком. Тот, который живёт в шалаше, не так страшен, как тот, который приходит издалека с грохочущей палкой.

Как только они пересекли долину, за его спиной множество гончих псов подняли адский лай. Он не боялся, только опасался за свою Ме. Закрывал её своим телом, чтобы до неё не могли добраться собаки, которые и впрямь не отваживались накинуться на него и ограничивались только лаем. Мацко их даже не замечал. Ведь он штук пять убил бы одним ударом лапы, если бы они приблизились. Если бы ему не нужно было оберегать Ме, он бы кинулся на них и кое-что показал им.

Ме дрожала и прижималась к Мацко. Вдруг неожиданно прогремел выстрел и несчастная Ме упала без дыхания на землю, издавая страдальческое блеяние.

У Мацко от ярости глаза налились кровью и нос покрылся пеной. Если бы так был сражён он сам, он перенёс бы это легче. Но его маленькая, слепая Ме! Он уже не видел никакой опасности, лишь боль утраты Ме владела им. Он посмотрел ещё раз на корчащееся тело серны и — кинулся на орущих псов. Двое из брехунов попались ему под лапу и вскоре лежали на земле. Потом он увидел за пнём зелёного, человеческого хищника. Кинулся на него — тут прогремел второй выстрел. Он почувствовал острый удар под лопатку. И всё же достал хищника и ударил его о пень. Потом собаки накинулись на него, ещё трёх он всё же убил, прежде чем потемнело в глазах. Он тоже свалился на землю.

Ежковцы дрожали от страха. Весь лес дрожал как никогда. Они съёжились и надеялись только на свой камень.

Но перед камнем появился какой-то зверь, от которого пахло как от Брнчо, и принялся яростно лаять. Вскоре над норой раздался шум, и камень начал шататься. Человеческие хищники откатил камень и перед их глазами предстали четыре скрученные в клубок тельца.

А вечером во всём лесу наступила большая печаль, какая бывает только после ухода хищных людей.